

**ЭМБЛЕМЫ
И ЗНАКИ ВЛАСТИ
ДРЕВНЕРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА,
МОСКОВИИ И РАННЕГО
НОВОГО ВРЕМЕНИ**

соглашался киевский историк Пастернак, который, ознакомившись с ранними публикациями Таубе, в 1934 г. издал брошюру «Пояснения тризуба»¹³, где он на основании собственного анализа контактов Украины с греками, римлянами, кельтами «раскрыл загадку» происхождения и значения «тризуба на Украине как государственного герба, национального знака и религиозного символа». В результате Пастернаком был сделан вывод, что, по свидетельству источников, киевский трезубец происходит с юга, а не с севера, как считал Таубе. На юге он появился еще до н. э., а в Киеве — в X в., куда пришел князь и принес с собой свой родовой герб. С юга этот герб «дорогой цивилизации» попал в Киев, а затем дальше на север до Швеции¹⁴.

Выдающийся нумизмат А. В. Орешников, хотя и не акцентировал внимание на «предметности» знака Рюриковичей, неоднократно высказывался в пользу его местного, т. е. автохтонного происхождения¹⁵. Некоторые исследователи исторических корней Древней Руси, а также просто любители этой тематики с пиететом относятся к мнению, высказанному советским историком О. М. Раповым, увидевшим в «загадочном знаке», помещенном на первых русских монетах (златниках и сребрениках), пикирующего сокола. Автор считал, что тот факт, что князья из дома Рюриковичей называются былинами и «Словом о полку Игореве» «соколами», говорит за то, что «сокол был эмблемой, гербом рода, возглавлявшего феодальную верхушку Киевской Руси»¹⁶. Однако кажется странным, что сокол, в отличие от других деталей композиции монетного изображения, вполне реальных (фигура усатого князя, нимб над его головой, крест в правой руке, трон, например, на сребрениках Владимира Святославича и т. д.), изображен в стиле, скажем так, «поп-арт». Почему? Ведь известны в Древней Руси вполне реальные изображения сокола и формы для его отливки. Такая форма середины X в. найдена при раскопках городища Старой Ладogi в 2008 г.¹⁷

Думается, что для автора, как и для многих исследователей этой тематики, важным являлся посыл исконно русского принципа формирования эмблемы, на долгие годы вошедшей в русскую художественно-правовую практику (изображение на вислых печатях, на ювелирных, керамических изделиях и т. д.).

Основоположниками изучения знака Рюриковичей явились археологи, нумизматы, специалисты по сфрагистике; предметом их исследования явились прежде всего вещественные памятники, а основным методом их изучения — сравнительный анализ, что, конечно, справедливо. Через четыре года после публикации книги

традиции и изобразительный мотив в виде двузубца или трезубца». — Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 241.

¹³ Пастернак О. Пояснения тризуба, герба Великого Київського князя Володимира Святого. Ужгород, 1934. Работа переиздана в Киеве. 1991.

¹⁴ Пастернак О. Указ. соч. С. 45—46.

¹⁵ Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. С. 49.

¹⁶ Рапов О. М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология. 1968. № 3. С. 69.

¹⁷ Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога, древняя столица Руси. СПб., 2013. С. 79.

ний, керамике, металлических предметах, где он может переходить практически в орнамент) на всей территории Украины (в современном понимании) в различные хронологические периоды. Сичинский, как и многие его предшественники, относит происхождение трезубца к античности, считая его элементом образа древнегреческого бога Посейдона, изображенного на понтийских монетах, известных в греческих колониях Северного Причерноморья²¹.

Целый ряд ученых допускали возможность заимствования начертаний, аналогичных трезубцу, от знаков Северного Причерноморья (сарматских, царских боспорских знаков). Б. А. Рыбаков, например, отметил близость как по форме, так и по существу знаков Приднепровья и боспорских царских знаков, охарактеризовав этот феномен как «два параллельные по смыслу явления, разделенные семью столетиями». «Генетической связи, за отсутствием промежуточных элементов, наметить нельзя, — пишет далее ученый, — а семантическая налицо. И там и здесь эти знаки являются принадлежностью правящего рода, династии, и там и здесь они видоизменяются, сохраняя общую схему...»²²

Знания и интуиция большого ученого заставили автора все-таки очень осторожно делать заключение о происхождении «начертаний этих знаков». Тем не менее ведущая роль символов «украинского Причерноморья» в формировании генезиса «тризуба» прочно отложилась в умах украинских исследователей, особенно после опубликования работ украинского же автора В. С. Драчука «Системы знаков Северного Причерноморья» (Киев, 1975) и «Рассказывает геральдика» (М., 1977). Последняя вносит особую лепту в «формирование истоков» тризуба. Причем даже известные ученые не могли отключиться от магии таблиц, схем, начертаний античных знаков, помещенных в работах В. С. Драчука, и делали «не совсем научные» выводы, утверждая, что «древнейшим гербом Киева являлся геральдический знак князей Древней Руси, которым был трезубец или двузубец»²³.

Ориентация на начальную отправную точку «произрастания» трезубца с черноморского побережья и утверждения его в качестве герба Киева «переориентировала» сознание самостийных украинцев на переосмысление этого знака в символ специфически украинской средневековой государственности. Йильге полагает, что еще факт выпуска в 1988 г. советской памятной монеты с изображением трезубца в честь празднования тысячелетия крещения Руси воспринимался на Украине как напоминание о советской интерпретации Киевской Руси как государства всех восточных славян на основе «единой древнерусской народности» и вызвал его отторжение в этом качестве в украинском обществе²⁴. Появившиеся на страницах книг высказывания о трезубце как этнонациональном украинском символе коренного народа базировались на заключениях «толкователей» происхождения знака

21 Сичинський В. Тризуб і прапор України. Львів, 1995. С. 5—8, 15—24, 30—35.

22 Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 233—234.

23 Драчук В. С. Рассказывает геральдика. М., 1977. Предисловие. С. 5.

24 Jilge W. Op. cit. S. 987.

из античных цивилизаций Северного Причерноморья. Один из них пишет (перевод): «Генетически украинский трезубец ведет свое начало из Греции — из страны, где в старые времена более всего было развито искусство, наука, всякое ремесло. И Украина быстрее, нежели другие страны не только Центральной, но даже Западной Европы, имела возможность черпать свои знания из первоисточника наибольшего в европейской науке и искусстве. Еще тогда, когда ни в Польше, ни тем более в Московии не умели создавать простейшие вещи, не знали каменного строительства, на Украине процветало монументальное строительство, монетное дело и наивысшая степень государственной символики и эмблематики»²⁵. И таким символом, по мнению украинских авторов, являлся «тризуб» — «символ воли и независимости украинского народа, нации и государства».

Идентификация трезубца как герба Киевской Руси, «герба Рюриковичей», проходит красной нитью по многочисленным трудам русских историков (и историков советских, включая археологов, этнографов и проч.). Как может быть «держава Рюриковичей» без герба? Эта идея была подхвачена в свое время и украинскими исследователями: «Специфика отечественной геральдики заключается в том, что ее корни уходят в глубокую древность. А гербообразные эмблемы встречаются уже в последних веках до нашей эры. Впоследствии эмблемы эти становились той основой, на которой складывались геральдические символы Древнерусского государства», — писал в основополагающем геральдическом труде в свое время В. С. Драчук²⁶.

Отрадно читать, что, несмотря на пietet к трезубцу как основе современного герба Украины, ряд украинских авторов с научных позиций подходят к его интерпретации, доводя современную точку зрения на геральдику до студентов, молодого поколения жителей Украины. Например, в учебном пособии для студентов высших учебных заведений²⁷ авторы четко расставляют акценты на определение понятий «тризуб» (знак) и герб, отмечая, что трезубец не был гербом в современном понимании этого слова. Если говорить о Киевской Руси, он входил в определенную систему знаков, которую вряд ли можно считать за систему гербов (особая система знаков, составленная по определенным правилам, сохраняющая определенные смысловые параметры и т. д., появившаяся в Западной Европе в эпоху крестовых походов и дальнейшего развития феодального строя). Первые гербы пришли на Украину из Западной Европы в XIV в., причем вначале на западноукраинские земли, — считают авторы²⁸. Они знакомы с научным определением герба, нашедшим отражение в его характеристике на современном уровне развития геральдики. Так, знаменитый современный исследователь гербов, «геральдист № 1» Мишель Пастуро пишет: «Гербы — это цветные эмблемы, принадлежащие

25 Січинський В. Указ. соч. С. 48.

26 Драчук В. С. Рассказывает геральдика. С. 10.

27 Бушин М. І., Мащенко І. Ю., Юзвенко В. Ф. Національна символіка незалежної України. Черкаси, 2001.

28 Там же. С. 8.

*Изображение «загадочного знака» на монетах Владимира Святославича:
1 — златник; 2 — сребреник I типа; 3 — сребреник II типа*

Отсылая читателя для ознакомления с системой знакового оформления верований населения Хазарского каганата к книгам В. Е. Флеровой, отмечу лишь общие положения, имеющие отношение к семантике двузубцев и трезубцев. Применяя методику сравнения и выявляя однотипность и различие тамгообразных знаков Болгарии и Хазарии, Флерова отмечает, что в Первом Болгарском царстве среди изображений, начертанных на крепостных стенах, на черепице и т. д., присутствуют в реалистическом или схематическом исполнении антропоморфные изображения с характерно поднятыми вверх руками. Применительно к своему исследованию В. Е. Флерова раскрывает их как образ архаического божества — Великой богини, что в схематической интерпретации выглядит как двузубец. Автор приводит также сведения о том, что эмблемой Великой богини в контексте индоевропейских традиций мог являться и знак трезубца. В значительной степени на данный вывод повлияла «коллекция» Хумаринского городища (см. выше) на Кубани (форпоста Хазарского каганата), состоящая почти сплошь из двузубцев и трезубцев, смысловая однородность которых, по мнению Флеровой, несомненна⁶⁰. В двузубце, как считает автор, сконцентрирована символика священности центральной власти, а также с ним связаны мифы архаических индоевропейских верований — мифы о близнецах («близнечные мифы»), образ Великой богини. Комплекс графических изображений вкуче с археологическим материалом «определенного назначения» — амулетами — позволил В. Е. Флеровой воссоздать систему мировоззрения многоэтносового населения Хазарии. Исследованная ею языческая система верований — основополагающая для всего государства.

Иранский субстрат является приоритетным в этой системе, сложившейся в двуединстве тюркского и иранского субстратов⁶¹. Наверное, корни этого феномена кроются в самой глубокой древности, уходя в эпоху, когда южнорусские степи служили одной из областей обитания носителей индоевропейской культуры⁶². Позднее этот факт обусловил преобладание иранизмов в образах мышления хазар. Поскольку в построениях Флеровой «тема иранизма в верованиях населения каганата предстает шире и разнообразнее, чем простое продолжение аланских традиций в раннесредневековой культуре»⁶³, нет ничего удивительного в том, что автор напрямую обращается к культуре Ирана, стремясь обнаружить в ней аналогии хазарским знакам и символам.

Отечественные исследователи сасанидского искусства полагают, что «ни смысловое значение этих знаков, ни их прототипы не выяснены окончательно»⁶⁴. Большинство ученых не считают их тамгами по происхождению, однако выделяют

60 Флерова В. Е. Образы и сюжеты... С. 60.

61 Там же. С. 10.

62 Мифы народов мира. Т. I. М., 1987. С. 527.

63 Флерова В. Е. Образы и сюжеты... С. 9—10.

64 Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Л., 1963. С. 38.

Однако главное отличие русского правителя на златниках и сребрениках — в индивидуализации образа, которая усиливается присутствием «загадочного знака». Без него, по-видимому, не мыслится этот образ, причем вряд ли здесь можно уповать исключительно на замысел резчика.

Современные исследователи первых русских монет, сравнивая их с византийскими того же времени, пишут, что последние «передали в неизменном виде создававшемуся типу монеты канонический образ старшего из богов новой веры, чьему покровительству вверял себя крестившийся князь»⁷⁰. Однако почти сразу этот образ уступил свое место иному изображению, равному ему по значимости в глазах «хозяина» чекана — князя Владимира Святославича (первоначально знак сопровождал фигуру в короне на лицевой стороне монеты, разместившись над ее плечом). Вряд ли речь идет о художественном приеме или о стремлении при помощи изменения типа монеты противопоставить себя византийцам. Главную роль сыграл, скорее, мировоззренческий выбор, ассоциация этого знака с глубоко укоренившимися в сознании иными представлениями о мироздании и о своем месте в нем, отличающимися от еще малознакомых христианских идей.

Знак, помещенный вместо Иисуса Христа на важнейший властный атрибут, вряд ли можно увязать исключительно с княжеским хозяйством (знак собственности). Предполагают, что в качестве знака Рюриковичей были приняты языческие и культовые символы, магическая природа которых несомненна⁷¹. Подобные заключения базируются на результатах изучения идеологии древних обществ, которые позволили реконструировать трехчастность социальных явлений, осознаваемую людьми в эпоху складывания государств⁷². В частности, индо-

70 Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 6.

71 Ставиский В. И. У истоков древнерусской государственной символики // Философская и социологическая мысль. 1991. № 5. С. 99.

72 См. об этом: Березкин Ю. Е. Двуглавый ягуар и жезлы начальников // Вестник древней истории. 1983. № 1. С. 163—164. В недавно опубликованной (впервые на русском языке) книге выдающегося польского историка-медиевиста Александра Гейштора «Мифология славян» приводятся сведения о существующей концепции «индоевропейского объяснения мира». Он пишет: «Народы, говорящие на индоевропейских языках, видели свою социальную структуру как организационную модель, основанную на выполнении трех основных функций. Первая из них — это осуществление верховной власти в двойном значении, а именно в правовом и религиозно-магическом. Другую функцию составляют разного рода проявления силы, в первую очередь военной, оборонительной и захватнической. Третью функцию выполняет широко понимаемая идея плодородия и ее производных: ... сохранение мира и использование его, пропитание, добывание для всей общности при помощи занятий скотоводством и земледелием. Исследования в этом направлении дали целый ряд наблюдений, которые указывали на устойчивость идеи трехчастной структуры в социальном мышлении людей прошлого. Эта идея оставила свой след в легендах о происхождении племен, о древнейшей истории народов, об их раннем средневековье». В начале XI в. один из европейских проповедников писал: «Божий дом тройственен, веруют же во Единого. Поэтому одни молятся, другие воюют, третьи работают». — Гейштор А. Мифология славян. М., 2014. С. 41—42.

По всей вероятности, в Киеве находился и глава славянского государственного объединения — каган. Этот титул, который носил не только хазарский правитель, но и аварский, был хорошо знаком в Западной Европе и Византии с VI в. в связи с вторжением аваров в Центральную Европу и их действиями там. Титул «каган» зафиксирован византийскими и латинскими источниками. В то же время известно, что в середине IX в. Русь представляла значительную силу, пользующуюся международным признанием¹⁰¹, и принятие самого известного в регионе титула ее правителем вводило каганат русов в международное политическое поле. Этим титулом русский правитель обозначался в западноевропейских и восточных источниках IX—X вв.¹⁰² Считается, что принятие титула «каган» произошло в 20—30-х гг. IX в., когда носитель этого титула в Хазарии еще не был лишь символическим главой государства. «В противном случае русскому князю не было бы смысла именоваться каганом»; «в это время хахан хазар был реальным властителем, которого и считали царем»¹⁰³.

Влияние соседей — хазар оказалось заметным на разные стороны жизни славян. Специалисты считают, что «ощутимым» было влияние Хазарии на формирование такой политической структуры, как двуумвират («есть основания утверждать, что раннерусская система двуумвирата на киевском столе была позаимствована от хазар») ¹⁰⁴.

Очень интересно замечание одного из авторов книги «Начало Руси» о символах власти в Среднем Поднепровье: «...показательны символы власти — tamgas, которыми стали пользоваться князья русов. Некоторое время до 940-х гг. в ходу были печати. Нам неизвестны образцы этих ранних печатей, но на печатях, которые обычно приписывают Святославу Игоревичу, и на монетах, несомненно отчеканенных его сыном Владимиром, присутствуют эмблемы — что-то напоминающее

дислокации раннегосударственного образования — каганата русов — в Днепровско-Донском регионе. В этой же книге В. В. Седов излагает материал и об «определенной политической структуре», существовавшей в то же время на севере Восточно-Европейской равнины, — Конфедерации словен, кривичей и мери, которую возглавил Рюрик, не именующийся каганом. По этому поводу М. И. Артамонов замечал: «Титул главы Руси — каган, который невероятен для северных славян, но вполне понятен для славян среднеднепровских...» (Артамонов М. И. Указ. соч. С. 369).

¹⁰¹ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 369; Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства. С. 10; Седов В. В. Русский каганат IX века. С. 9.

¹⁰² Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150—159; Он же. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 8—9 и след.; Коновалова И. Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001. С. 108—135. Автор приводит всю существующую литературу о титуле «каган», его происхождении, дает разные варианты его чтения у разных народов.

¹⁰³ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 138—139.

¹⁰⁴ Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003. С. 41.

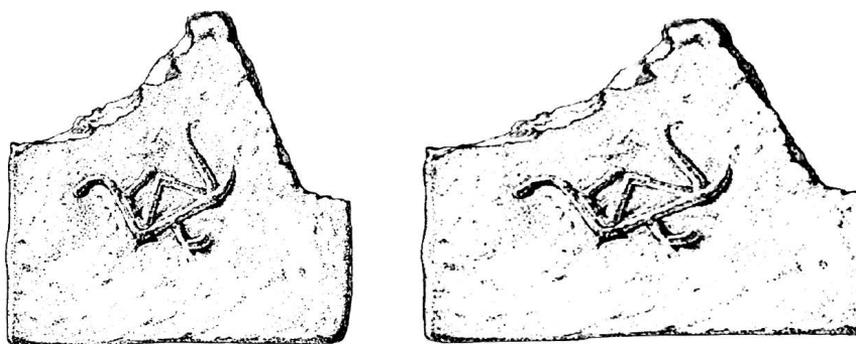

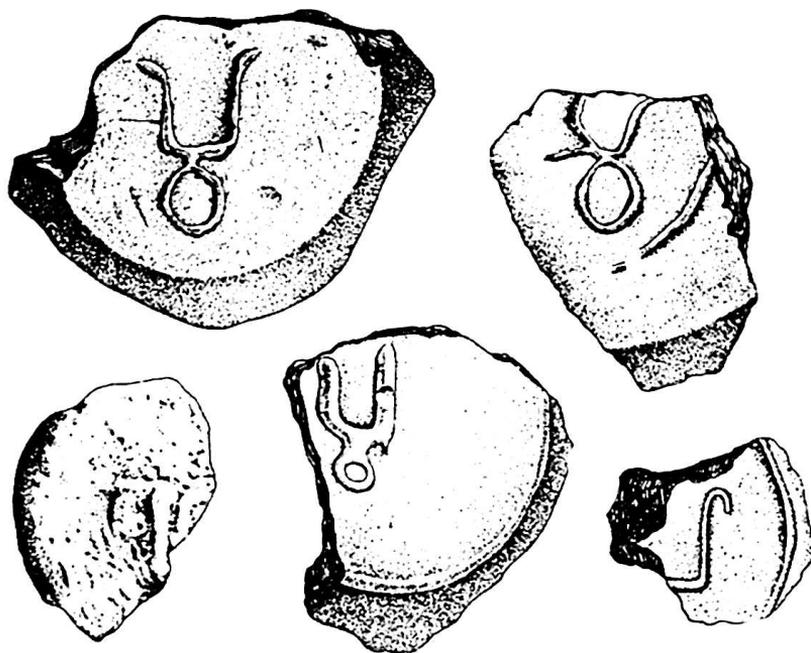

1

2

3

*Знаки-тамги из Киева: 1 — знак на майоликовой плитке X—XI вв.;
2 — знак на стене Софийского собора;
3 — знаки на донцах сосудов (по М. К. Каргеру, С. А. Высоцкому)*

На ранних англосаксонских монетах помещен дракон или змея, что объясняется влиянием местных древних верований, в которых германский бог, чудовищный Вотан (Водан — Один), носитель магической силы, играл важную роль¹³⁰.

Но хазарская ли тамга явилась наиболее важным объектом для подражания Владимиру Святославичу при осуществлении им выдающегося идеологического действия, каким, безусловно, являлся выпуск монеты, важнейшей регалии, олицетворяющей самодержавную власть? Претензия на равенство с Византийской империей, откуда Русь приняла крещение, была, как говорится, налицо (см. ниже описание первых монет). Однако знак — трезубец, помещенный над левым плечом князя на первых монетах, отсылающий к символу главного языческого божества индоевропейцев — богу-громовержцу (в данном случае Перуну), свидетельствует о суверенности и значимости правителя нового государства. Надписи на монетах Владимира подтверждают его значимость как государя во всех трех названных выше ипостасях.

Возможно, раскрытие смыслового содержания знака, неразрывно связанного с таким властным действием, как выпуск монеты, расширит наши представления о ментальности древнерусского социума на ранних этапах его существования.

Этот знак («иранский вклад в древнерусскую духовную культуру») соответствовал представлениям русского правителя о его функциях, в результате чего и происходит совмещение знака с государственным атрибутом — монетой, обретение им прежде всего роли символа, отличающегося по своей изначальной трактовке от знака собственности, родового знака, что и имел в виду Н. П. Лихачев (см. выше).

Впоследствии произошла его трансформация в знак княжеской собственности, знак Рюриковичей, как он и квалифицируется в историографии.

130 Engel A., *Serrure R. Traité de Numismatique du Moyen Age*. T. I. Paris, 1891. P. XL.